

Письма, посылки, свидания

Письма, посылки и свидания – это немногие, самые большие радости заключенных в сталинских лагерях. Письма родных помогали верить, что ты не забыт, продуктовые посылки помогали элементарно выжить, а редкие свидания, когда они случались, были просто счастьем.

Давид Буденный (1930-2011), арестован в 1950 г. по обвинению в принадлежности к молодежной организации «Коммунистический союз молодежи», приговорен к 5-летнему сроку ИТЛ, который отбывал в лагерях Казахстана. Реабилитирован. Преподаватель Воронежского университета, кандидат экономических наук.

Сначала я сидел в одиночке, один. Значит, это месяц, наверно. Один. Пока самые такие напряжённые дни следствия были. Потом ещё одного подселили. Смотрю, другого. Уже нас человека 4. И вот кто-то, я уже не помню, наверно, человек опытный. Правильно, был такой. «Вот, ты знаешь, матери можно передать записку. Попробовать. Записку». Я говорю: «Как?». «Слушай меня. Пиши, чтобы ты хотел написать. Но, пиши, на всякий случай, так, чтобы ни одно твое слово тебе не сыграло., это. Ну, допустим, не пиши, что «долой Сталина» или что-то такое». Ну, короче говоря, чтобы себе не навредить. Ещё больше. Вот. «Ну, а как же передать-то?» Ты напиши. У кого-то нашёлся химический карандаш, у кого-то бумага. ... Вот. Я написал эту записку. «Ну, а что дальше?» «А вот теперь смотри». Мешочек, который освободился из-под того, что мне принесли, вывёртывается наизнанку. Наизнанку. Значит, к днищу/, это/, ну, придерживается записка моя. Записка. Снова этот мешочек выворачивается. Нет, нет, нет пока ещё. Значит, прикрепляется записка, не выворачивается, а прошивается. Иголочка с ниткой была у кого-то. Заключённые/, как? Шмон там каждый день. Но, кто-то всё равно. И опытные были. Иголочка с ниткой была. Значит, прошивается днище. Ну, например, может сантиметра на полтора. Как можно меньше, чтобы не заметили. Прошивается это. Мешочек выворачивается в свою обратную сторону. И он пустой.

Николай Настюков родился в 1933 г. в Павловске, Воронежской области. В 1952 г. арестован по обвинению в принадлежности к молодежной антисоветской террористической организации. Приговорен к 8-летнему сроку ИТЛ, который отбывал в Речлаге, в Воркуте. Реабилитирован. Кандидат биологических наук. Живет в Воронеже.

Да, дали свидание, но там такое короткое, минут, минут десять. И так вот, с одной, с одной стороны такая сетка, там родители, мать заплаканная, тут внутри ходит, в промежутке ходит, значит, этот, ну, конвоир или кто там/. Ну, в общем, милиционер или конвоир, вот, а там через сетку еще я, я там что-то кричу, ну/.

И.О. И ничего не слышно.

Н.Н. Мать плачет, заплаканная, понятно, что там ей скажешь. Да, «у меня все хорошо», да и все вот. Там крикнешь что-нибудь, да и все. Одно свидание было.

Сусанна Печуро родилась в Москве в 1933 году. Арестована в 1951 году в возрасте 17-ти лет, как член молодежной организации «Союз борьбы за дело революции», приговорена к 25-летнему сроку ИТЛ, отбывала в лагерях Инты, Абези и тюремное заключение во Владимирском центре до 1956 года. Реабилитирована. Историк-архивист. Живет в Москве.

Меня повели в медкомиссию перед этапом. Врач посмотрела, сказала: «Так, ну, значит, декомпенсация. У вас отек лёгких. Эх, куда же вас пошлют? Как же вы доедете? Кто у вас есть?». Я говорю: «Мать есть». «Где живёт?». И через несколько дней мне сказали: «Без вещей». И повели на свидание с мамой, которой я говорила, что всё хорошо, с нами хорошо обращались, всё замечательно. Мама не плакала, а стояла вся окаменевшая. Пятнадцатиминутное свидание.

Елена Маркова родилась в 1923 г. в Киеве. Родители репрессированы, отец расстрелян в 1937 году. В 1941-1943 годах находилась на оккупированной территории в Донецкой области. После освобождения области советской армией была арестована органами НКВД и приговорена к 15 годам каторжных лагерей. 10 лет была заключенной Воркутлага. Реабилитирована. Доктор технических наук. Живет в Москве.

Я попала на Воркуту. Свидания с мамой не дали. Это тоже такое зверство. Пятнадцать лет каторжных работ. Мама приезжает в тюрьму, ей не разрешают со мной прощального даже свидания.

Ольга Цыбульская (Сорокоумова) родилась в 1935 г. во Фрунзе. Дочь репрессированных родителей, отец расстрелян, мать отбывала заключение в Акмолинском лагере жен изменников родины. Инженер-химик. Живет в г.Королев Московской области.

Мама вернулась, нас выбросили, жили мы в директорской квартире во Фрунзе, нас выбросили в беседку, мы сидели на узлах, и мама стала лихорадочно искать где-то жильё. И нашла где-то на очень-очень, на окраине города Фрунзе, отвезла нас туда и сама поехала к папе на свидание. И вот она взяла, как будто бы ей казалось, она все взяла – и шерстяные вещи, и часы, и все, и шоколад, и когда она увидела папу, она посмотрела на него, и увидела, что внешне он очень изменен. И у него были совершенно синие пальцы. Вот, это видно было следы пыток. И мама бросилась к нему, говорит: “Гриша, я тебе все привезла”, он говорит: “Надя, а курево?”. Она говорит: “Гриша, я забыла, я тебе завтра привезу”. А он уже знал, что назавтра будет расстрелян, его уже предупредили.

Николай Настюков

В одном лагере был такой, например, ну, такой порядок: начальник спецчасти, чтоб, так сказать, не морочить голову, у него были заготовлены бланки: «Живу хорошо, ни в чем не нуждаюсь. Вышлите посылку». Чтоб ему не проверять каждое письмо, которое напишет там заключенный, вот. Он должен же проверить его, чтоб отправить в спецчасть.

Давид Буденный

Официально нам там разрешалось 2 раза в год. Я имею ввиду написать письмо. Образец этого письма у меня есть. Мама сохранила. И до сих пор оно хранится там. Шаблонное. Ну, жив, здоров и, как говорится, и т.д. и т.п. Что нужно. «Пришли мне к зиме тёплые носки, рукавицы. Вот. Твою посылку получил». Ну и всё. на одной страничке это умещалось. ... Ну, кроме этих двух писем, вот, я уже сказал, что я сумел через работников, мы их называли «вольные». Вольные. Вольнонаёмные, которые работали на шахте. Ну, вольные там всегда есть. Хорошие люди. Значит, я два письма написал. Но, очень переживал. Потому что там я более откровенный был. Конечно, старался тоже. Что я предполагал, потому что это письмо могло попасть куда. Чтобы мне не добавили ещё всё-таки. ... Это же себе ещё лишних 10 лет прибавить. Потому что и они рисковали. Потому что они за это, если поймут, они за это бы срок получили. Это без всякого сомнения.

Сусанна Печуро

Потом они мне стали посылать туда посылки. Это тоже было непросто. Посылки принимали только в одном месте под Москвой. И не должно было быть больше веса определенного.

И.О.: 8-ми килограмм.

С.П.: Да. И, вот, мне рассказывала потом мама, что отец пошёл туда, выстоял ночь в очереди, всё, а оказалось 8 килограмм 200 грамм. И у него не взяли, и у него был сердечный приступ.

Давид Буденный

Посылку я получаю, бригадиру всегда что-то такое отделяю ему. Не из большой любви к нему, а так вроде, так мне сказали, это положено.

Анна Матлюк (Пеца) родилась в 1927 г. в селе Тишковцы Городенковского района Станиславской области. В 1944 г. арестована по обвинению в участии в украинской повстанческой организации и приговорена к 10 годам ИТЛ. Отбывала на строительстве 501-ой стройки, после закрытия стройки переведена в Особлаг на общие строительные работы. Реабилитирована. Работала нянечкой в детских яслях. Живет в г. Печора, республика Коми.

Посылки уже в Сибири. Посылку примя/. Письмо писали один раз в год, только письмо можно было писать. И получить 1 поси/ посылку. А посылку, если перебирали, это то там уже знаете, если она пришла, то там уже мало что оставалось есть. Там уже все пере/перечистили, видно. Что хорошее, может и забрали. Ну, когда мы же не сами открывали. Они принесли, открыли. Уже открыта. Нельзя ее давать, чтобы. Я помню, уже принесли, а там и есть уже нечего. А там какая-то крупа, она уже на крупу не похожа. А может, подменили. Может у кого была хорошая, а эта плохая.

Алексей Прядилов (1927-2011) – в 1943 г. в 16-летнем возрасте арестован вместе со своими школьными друзьями за издание рукописного сатирического журнала “Налим”. Провел в лагерях и ссылке 13 лет.

Единственное, что я просил прислать – сахар. Сахар. Ну, родители, конечно, хоть я и писал, что ничего не присылайте, мне хватает, но они, конечно, посылки все время присылали, периодически. Но лагерь – есть лагерь. То есть, если кто-то получает посылку, ее либо, значит, ты ему выделяешь, либо вообще у тебя ее забирают. Вот. И хорошо, если морду не набьют.

Вячеслав Рудницкий родился в 1930 г. в Воронеже. - арестован в 1949 г. по обвинению в принадлежности к молодежной организации «Коммунистический союз молодежи», приговорен к 10-летнему сроку ИТЛ, отбывал в лагерях Казахстана. Реабилитирован. Слесарь-инструментальщик. Живет в Воронеже.

Пять лет они меня не видели. Пять лет без, считай, без переписки, один-два раза в год всего письмо. Она-то писала мне часто и посылки присылала, опять если бы не они, если бы не посылки, то не знаю, что было бы. Ну, она каждый месяц присылала килограмма три сала копченого. А мать, мама мне присылала, и я, конечно, каждый месяц посыл/, получал посылки, а что такое посылки? Это кусочек сала такой вот, утречком съешь, и на развод, а там холода жуткие.

Роза Шовкринская родилась в 1930 г.в Дагестане. Сестра и отец репрессированы, отец умер в лагере. Учительница начальных классов. Живет в Махачкале.

И отправили отца вот так вот этапом. Этапом отправили, вот это вот последнее письмо мы получили. Мама собрала посылки, сказали, что там цинга, что там то, то. Три посылки мама собирала, собирала, паяла эти железные банки с медом, всё. Но пришло папино извещение, даже или до этого. Три месяца посылка шла туда, три месяца посылки шли сюда, и мы получили посылки обратно. Уже стекшие такие вот посылки, и письмо было там, где вот папа описывал природу, что они для такой нужной нашей родины железную дорогу строят.

А.К.: Почему посылки вернулись?

Р.Ш.: Видно, он уже умер. Я так думаю.

Владимир Кантовский родился в Москве в 1923 г. Родители репрессированы. После ареста школьного учителя истории Владимир Кантовский и его друзья напечатали и разослали несколько протестующих писем-листовок. Арестован в 1941 г. и приговорен к 10 годам ИТЛ. Срок заменен на 5 лет с отправкой на фронт в штрафбат. В первом же бою был ранен. В 1945 г. повторно арестован, приговорен к 6 г. ИТЛ. Отбывал в Молотовске и Абези. Реабилитирован. Инженер. Живет в Москве.

Получить разрешение на свидание – это, это, не знаю, сколько этих разрешений дают, может быть, два в год на весь лагерь. Ну, вот один раз я получил разрешение на свидание.

И.О. И кто к вам приехал?

В.К. Жена.

Алексей Прядилов

Приехал, отец приехал в лагерь – к начальнику лагеря. Этот, этот с фронта приехал, тот – всю войну прошел. Они нашли общий язык, отец с начальником лагеря: воспоминания и так далее и тому подобное. Значит, отцу выделили за зоной домик, домик прораба. Вот. Значит, когда утром развод, меня уводят на работу, и я иду к отцу в этот домик. Ни о какой работе речи нет, мы проводили, значит, целый день вдвоем с ним в этом домике. Только вдвоем – никаких там надзирателей, никого там не было. Отец посмотрел и говорит: «Ты знаешь, у нас было хуже». (смеется) «Потому что», - говорит, «приходилось пить из луж, и есть как/, питаться там трупами лошадей и так далее. Так что у вас все более-менее». (Смеется).

Вера Юльевна Худякова (Геккер) родилась в Потсдаме в 1922 г. В этом же году семья переехала в Советскую Россию. В 1938 году расстрелян отец, арестована мать. Сестер Марселлу, Алису и Веру, студентку музыкального

училища, арестовали в сентябре 1942 г. и осудили на 5 лет. Вера отбывала в лагерях в Киргизии, в Узбекистане, в Сибири и в Казахстане. Преподаватель музыки. Живет в Московской области.

Карантин – это просто домик, где мы на полу лежали, две недели должны были там находиться. Нам приносили еду. Выжидали. И как-то вечером одна из моих. Тут урок никаких не было. Это всё были интеллигентные люди. Она вышла на улицу. Нельзя было никуда выходить. Ну, так у двери постоять. Она вышла на улицу, потом приходит, и меня манит пальцем. Я, значит, встаю, к ней подхожу, она мне показывает – выйдите на улицу за этот домик. Я вышла, и обошла кругом – моя сестра сидит. Она меня нашла. То есть, каждый раз она узнавала, когда приходит этап, она идёт в карантин, смотреть. И так она много раз ходила. В конце концов, я оказалась там. ... И она ко мне каждый день туда приходила, в этот карантин. Каждый вечер приходила, я к ней выходила. А в бараке женщины узнали то, что вот сестра приехала, они там, кто кусочек хлебушка, кто ещё что-нибудь. Значит, ей дадут, чтобы она мне принесла. Было очень трогательно.

Юрий Фидельгольц родился в Москве в 1927 г. Арестован в 1948 г. по обвинению в создании антисоветской организации. Приговорен к 10 годам ИТЛ, был в лагерях Тайшета и Колымы. Реабилитирован. Инженер-строитель, член Союза писателей. Живет в Москве.

И вот, вдруг, летом, когда, значит, мы отдыхали от работы, вдруг меня вызывают в рабочую зону и говорят: "Бегите, на вахте мать ждет". И я побежал со всех ног, вот как был чумазый, в заплатках, грязный весь, немазанный, с номерами с этими, вот здесь и на шапке и на спине, я побежал. Ну конечно, у меня было такое смутное чувство в это время. Там, значит, сержант мне сказал, перед тем как войти на вахту, он сказал: «Разговор только вести не на лагерные темы, не на темы преступления, которое вы совершили». Ну, в общем, объяснил. «Если вы, приближаться нельзя друг к другу, сразу прекращаю свиданку и, значит, все, расстаемся». И вот, значит, сажают меня на стул, барьер такой передо мной, который открывается – закрывается, как знаете, при железной дороге шлагбаум, и входит мать. Ну, я ее увидел, и мне говорить не о чем, и ей. Я гляжу, у нее дрожат, дрожит лицо, щеки дрожат. Потом она поставила корзину и толкнула там вот в промежуток между этим барьером и полом и говорит: «Поешь. Я, – говорит, – из Москвы притащила тебе вкусненькое». ... И потом я не выдержал, я откинул этот шлагбаум и бросился к ней в объятия, прижал ее к себе, но нас разъединили, и все, свидание закончилось. Когда я вышел в зону, вся зона кипела. «Мать приехала, мать, к тебе мать приехала!» И даже все, все и антисемиты и бендеровцы и все, все поднялись, все встречали меня, а я стоял вот с этой корзинкой, не одного грамма оттуда никто не взял и не попросил. Все понимали, что это принесла мать.

Сусанна Печуро

Женьку привезли в больницу с шахты. Ему сказали: «Слушай, здесь, на женской зоне, девчонка есть какая-то. Вроде как из Москвы». Он написал записочку. Через забор, щель в заборе. Это святое. Наша почта. Передал записочку. Там было написано: «Девочке, которая из Москвы. Кто получит, передайте». И мне передали записку. И там было написано: «Я такой-то, такой-то. Если вы не боитесь, хотите, то напишите мне». Я написала сразу: «Конечно, не боюсь. Конечно, хочу. Конечно, здравствуй и слава Богу». ... И мы стали переписываться. Каждое утро или каждый вечер Женька ухитрялся как-то сунуть записку. И ещё он/. Во-первых, он мне писал стихи. А во-вторых, он меня/, потребовал, потребовал категорически, чтобы я училась. Он говорил: «Неважно, что нас ждёт дальше. Пока мы люди. Они хотят из нас сделать животных. Не получится. ... «Мы не дадим сделать из себя зверей». И он писал мне задачи. И я должна была их решать и отправлять обратно. Он мне писал потом: «Правильно/неправильно». Если неправильно, то в чем. Он меня заставлял сочинения писать.

Мы договорились, что надо всё-таки повидаться. Ну, так, мы видели друг друга на вахте, когда отправляли---этих самых, бригады на работу. Но, это же очень издали. И все одинаковые. И мы придумали такую вещь. Я прошусь в каптёрку. В каптёрку женщин водят по ночам. Каптёрка общая. А в каптёрке я разыгрываю обморок. А он договаривается со знакомым врачом зэком, что тот ему даёт свой халат. ... Когда у меня обморок, женщина, которая со мной вместе начинает кричать: «Позовите врача». Вызывают. Приходит он. Первая встреча. Он пришёл в этом самом, в халате. Сказал: «Так. Выведете её на улицу, посадите на скамейку. Здесь у вас очень душно. Там она придёт в себя. Я скажу, когда будет пора». Меня посадили на скамейку. Минут, ну, наверно, 15 мы разговаривали на скамейке. Потом он сказал: «Заподозрят что-нибудь. Всё, я иду, сообщаю, что тебе уже лучше».

Мария Севортян (Гиваргизова) родилась в 1928 г. в Ростове-на-Дону. Родители репрессированы, отец расстрелян, мать как ЧСИР отбывала заключение в Акмолинском лагере жен изменников родины. режиссер научно-популярных фильмов. Живет в Москве.

И вот наконец, это почти полгода, по всей видимости это, наверно, прошло полгода, пока оформлялась вся эта история. И, наконец, нам, слава Богу, разрешили свидание. Поехать можно. ... Приехали мы. Это было, 20-го июня мы добрались, наконец, до этого Жарыка. ... И, значит, только я помню, большая довольно-таки комната. Или может быть просто у меня шаги были маленькие.

И, в общем, вхожу я в эту, мы входим. Значит, сначала иду я впереди, за мной там где-то тетя Соня идёт. И, вот, значит, мы идем. «Ну», - думаем, - «сейчас ещё, что он нам скажет-то - неизвестно». И вдруг я вижу/. Значит, я открываю дверь в этот кабинет-то, который со стульями, со столом, и там в самом конце у окна стоят/, стоит мужчина, этот самый начальник, и какая-то женщина с ним стоит. Спина ко мне. Я так посмотрела - никого и нету. Где мама? Никакой мамы не вижу. ... Эта женщина, поворачивается и вдруг, значит, крик: «Фросечка!», «Сонечка!». И, значит, они/, эта идёт вперёд, эта идёт к ней. И они бросаются и, значит, вопли сразу начались. Плач, всё. А/, а/, а я стою, как

дурочка. Ничего не понимаю. Вообще-то, где мама? Значит, потом я подхожу и вдруг вижу, да, это действительно моя мама. Моя мама, но только это совсем не та мама, которая была. Мама-то у меня была--- молодая и красивая. Ей всего-то было, значит--- 32, 8--- 36 лет ей было между прочим. Но, тогда, значит, уже было 38. Если 40-й это год. 41-й. И вдруг я, значит, смотрю на неё, начинаю реветь и: «Мама! Что ты такая, ты старая? Ты седая!». Я начинаю ей говорить. Она говорит: «Деточка! Так ну что это, чепуха какая, седая. Ну, я покрашусь. Я же буду опять молодая. Ну что ты, ей-богу. Ну что ты, это же совсем чепуха! Это же ничего не/». И я: «Нет...». И я начинаю/. И я/. Ну, это, вообще, передать трудно словами, потому что надо же быть такой глупой девочкой. Ай-яй-яй. Вот.

И я только помню очень хорошо, помню реакцию его. Этого мужчины. Он стоял, смотрел на всё это.. вот, сцену и у него слёзы катились прямо градом. Вот. Мужчины не плачут, говорят. Плачут, даже и по чужому горю и то плачут... Да. [плачет]

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Операторы:

Андрей Купавский (Москва)

Виктор Гриberman (Рига)

Андрей Костянов (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2012